ХИМИЧЕСКИЕ
ЛЮДИ

Annotation

Чтобы оставаться людьми, им нужно принимать специальное лекарство.

-
  - Глава 1

Химические люди

Глава 1

глава 1

Птичьи силуэты дронов-фонарей покачивались в воздухе над ночной улицей. Едва датчик фиксировал движение, фонарь ярко вспыхивал и пикировал вниз, сопровождая пешехода или одинокую машину. Освещать весь Будапешт, как в старые добрые времена, было бессмысленно: слишком мало людей, слишком много улиц с оставленными домами – закрытыми и взятыми под охрану. Их хозяева бежали от пришедшей жары на север – в Гренландию, в Канаду, на Шпицберген – и возвращались только на пару зимних месяцев. Ласло и сам бы не остался в городе в самое пекло, но над своими перемещениями он был не властен. Позавчера его привезли в машине с зарешеченными окнами, зарегистрировали в отеле и сопроводили под охраной в номер на последнем этаже. Выйти из него арестант не мог да и не собирался. Он наслаждался последними дарами цивилизации – работающим кондиционером, теплой водой из душа, чистыми простынями. И прекрасным видом из окна – панорамные пейзажи всегда привлекали Ласло, он мог разглядывать их часами и получать от созерцания почти физическое удовольствие. Вот и сейчас арестант стоял у окна – тридцать пять лет, крепко сбитый, чуть выше среднего роста, с ранней сединой в коротко стриженных тёмных волосах.

Своего адвоката Ласло тоже увидел из окна – узнать долговязую фигуру с вытянутым как у ежа лицом не составляло труда. Даже отсюда, из номера, в ярком свете летающего фонаря были видны голые щиколотки под короткими зауженными брюками – мода двадцатых годов, вновь вернувшаяся после пары поколений. Войдя в номер, гость внимательно осмотрелся, отыскал тощим задом кресло и опустился в него с таким видом, будто добирался до гостиницы по крайней мере из Брюсселя. Прощальные номера по закону не прослушивались: перед изгнанием человек имел право на личную приватную жизнь, но адвокат решил перестраховаться, вытащил пепельницу-глушилку и установил её на журнальный столик. Он вёл дело с самого начала, ожидаемо проиграл и ожидаемо принял взятку. “Биткойны, только биткойны!” – вспомнилось Ласло.

– Я закурю?

– Валяйте.

Вспыхнул огонек зажигалки, и сизый сигаретный дымок первой затяжки поплыл по комнате.

– Завтра вас отправят в специальную больницу. Там проведут предписанные приговором процедуры расчеловечивания и на три месяца запрут в одиночной палате. Потом отвезут к ближайшей точке квантовой запутанности – она находится в Кечкемете – и в ближайшее по времени окно переправят в зараженные земли.

– Вместе с Настей и Дмитрием?

– Вместе! Это стоило мне немалых усилий.

Ласло облегченно выдохнул: могли ведь отправить через разные порталы, ищи-свищи потом друг друга. Да и захочется ли искать?

– Что нас ждет в больнице?

– Чистка крови, абсолютно безболезненная. Все человеческие чувства – суть химические процессы, кому как не вам это знать! Организм вырабатывает их самостоятельно, но беглецы из опустошенных генетическим штормом земель на это неспособны. Вы принимаете таблетки, чтобы оставаться людьми. Таблеток вас лишат, кровь очистят. За три месяца организм сформирует новые нейронные связи, и вы перестанете быть людьми.

– А кем станем?

– А вы не помните?

– Смутно, меня вывезли из-за периметра ребенком.

– Интеллект не пострадает, но всё, что дала человеку цивилизация, все человеческие эмоции исчезнут.

Адвокат закинул одну тощую ногу на другую, и понизив голос (словно кто-то мог услышать), продолжил:

– Три месяца – большой срок, поэтому точку выхода я вам сейчас сообщить не могу: нелегальные червоточины чрезвычайно нестабильны и живут недолго, а власти постоянно мониторят периметр. Но вы не волнуйтесь, по закону у нас будет прощальная встреча, и все подробности о том, как выбраться обратно, я вам сообщу.

Ласло задумчиво постучал пальцами по столу, бросил оценивающий взгляд на гостя и без спроса потянулся к пачке чужих сигарет. Чиркнул чужой зажигалкой, затянулся и нарочито выпустил

дым прямо в лицо гостю. Это было не хамство, нет – это было предупреждение.

– Кидалова не будет?

Здесь, на цивилизованной стороне мира, оставались купленные Ласло люди, и они имели четкие указания проверить: был ли уговор исполнен. Гость помахал рукой, разгоняя дым, и ответил спокойно, без вызова:

– Своей репутацией я дорожу.

– Тогда с меня премия по возвращению. Вы уж простите мои босяцкие манеры, – и арестант тоже демонстративно помахал рукой.

Когда гость удалился, Ласло вернулся к окну. Как много смыслов приобретает пейзаж, если смотреть на него в последний раз! В средние века художники рисовали картины поверх других картин – позже реставраторы научились смывать эти слои, чтобы отыскать исконное. Он тоже смывал слой за слоем, отыскивая воспоминания, надёжно погребенные под красками прожитых лет. “Скоро моя память станет к ним равнодушна, – с печалью подумал Ласло. – И это сладкое щемящее чувство радости созерцания никогда не вернется. Больше не будет ни радости, ни горечи, ни любви, ни обиды, ни счастливого предвкушения перемен к лучшему. А захочется ли мне вообще возвращаться обратно? Как остаться человеком, перестав им быть?”.

Несколько капель дождя упало на оконное стекло и побежало по нему вниз, спасаясь от погони.

– Интеллект не пострадает, – пробормотал Ласло. – Меня лишат чувств, но останутся заученные с детства правила. Им и нужно следовать. Что бы я не чувствовал там, вопреки всем желаниям и мыслям, я буду строго следовать правилам.

В такой же дождливый вечер шесть недель назад он сидел в баре на улице Зринуи, хрустел сухариками салата-закуски и неторопливо пил терпкое крафтовое пиво. Играла музыка столетней давности – секстет Баллаша исполнял “Плаксу”, и под потолком в такт плачущим джазовым ритмам покачивался дрон-официант, наблюдая за посетителями. Изредка кто-то поднимал руку, и послушная гарсон-машина тут же устремлялась к столику принять заказ. Большие беды чаще всего начинаются с мелких неприятностей – вот и тогда, в баре, он никак не мог предположить, что наслаждается последним спокойным вечером. Свернутый трубочкой смартфон зажужжал в

петлице, Ласло раскатал его на столе рядом с пивной кружкой и слегка поморщился – с ним настойчиво пытался связаться Дима. С тех пор как изобрели мессенджеры, прямые звонки стали означать дела, которые невозможно отложить даже на несколько минут.

– Я в полной заднице! – сообщил Дима, едва провайдер соединил их невидимой ниточкой мобильной связи. Приятель стоял в незнакомой комнате и нервно дергал головой – привычка, оставшаяся после одной из подростковых потасовок в лагере для беженцев.

– Жопе? – у старых приятелей были лингвистические разногласия по этому поводу. Ласло считал, что задница – это у людей, а жопа – это вокруг них. – И как там? Вижу, что темно.

– Слушай, я тут слегка пошарился, а дом меня заблокировал и вызвал полицию.

Хуже, пожалуй, быть не могло. Арест на месте преступления для таких химических людей, как Дима – стопроцентное выдворение на постапокалиптические просторы зараженных земель.

– Ты же меня не бросишь?

Ласло откинулся на стуле и посмотрел на дождь за окном. Долгожданный летний дождь, дающий прохладу от безжалостной среднеевропейской жары. Дождь-контрабандист, прорвавшийся в город через метеорологические кордоны, стерегущие его у задыхающихся от зноя пшеничных полей. С тех пор, как потепление климата превратило Венгрию в зону рискованного земледелия, власти отчаянно бились за каждую каплю небесной влаги. Город же продолжал пустеть. Те, у кого были деньги, с комфортом устраивались в прохладных широтах, консервируя оставленные в Будапеште дома за невозможностью их продать. А потом прилетали зимой на Рождество. Служба, обслуживающая законсервированные дома, неожиданно оказалась востребована и платила своим работникам хорошую зарплату. Только вот Дима – работник этой службы – все равно был недоволен официальным заработком.

– Ласло?!

– Иди к чёрту.

Можно было напомнить, сколько раз он предупреждал приятеля, только к чему? Горбатого даже могила не исправит вопреки известной поговорке. Сначала Ласло удивлялся: какими идиотами нужно быть, чтобы оставлять в доме ценности? Потом перестал. Люди жили в

безопасности три или четыре поколения, они привыкли к отсутствию воров, а старые привычки очень трудно вытравить. Пиво в стакане закончилось, дрон-официант мгновенно спикировал к столику, ухватил механической клешней кружку и вопросительно уставился на посетителя глазом камеры.

– Повтори, – приказал тот, задумчиво чертя пальцем по столу квадраты. Предотвратить арест Димы было не в его силах. Следовало озаботиться адвокатом – дорогим, циничным, авторитетным и обязательно местным. Адвокатом-человеком, а не бездушной юридической нейросетью. Ласло был из тех редких химических людей, у которых имелись средства на дорогих адвокатов.

Плохая новость № 2 застала его на пороге квартиры. Он уже поднялся по мокрым каменным ступеням, открыл входную дверь и сложил зонт, когда смартфон зажужжал снова. Это оказалась Настя – её арестовали через час после Димы, но разрешили сделать телефонный звонок только сейчас. Полиция следила за ними последний месяц – после того, как сработал датчик движения в одном из законсервированных домов. И за этот месяц Настя дважды забирала краденое: сережки оставила себе, а цепочку продала приезжему туристу. В этом она вся – ей скучно жить по правилам. Настолько скучно, что иногда Ласло сомневался, помогают ли Насте таблетки, которыми их, химических, пичкали. Любовники тысячу раз ссорились и тысячу раз мирились, ведь чего-чего, а денег для своей женщины он никогда не жалел. Но ей нужны были не краденые сережки, а риск – его кисловато-тягучий вкус и будоражащий ноздри горчичный запах.

– Я хотела купить тебе подарок! – видеосвидание им разрешили через трое суток, и первым делом Настя объяснила свои мотивы. – Глупо покупать подарок на твои деньги, согласись.

Она сидела, скрестив ноги на диване тюремного гостиничного номера перед телевизором, и хрустела поп-корном. Белокурые волосы собраны в хвост, а старый любимый свитер растянут больше обычного. Не свитер, а настоящая нора, в которую прячется любопытный зверек от окружающего мира. Кондиционер, судя по одежде, врублен на полное охлаждение.

– Вытащи меня отсюда, здесь скучно!

Настя, кажется, не понимала, насколько серьезно вляпалась.

За следующую неделю Ласло встретился с пятью адвокатами в Будапеште, затем слетал в Вену и переговорил еще с двумя – и все в один голос заявили: никаких шансов. Сто процентов аналогичных дел против химических людей закончились высылкой обратно в зараженные земли. Тогда, через три рукопожатия (с каждым разом руки становились всё грубее, а взгляд всё жёстче), он и отыскал этого юриста.

Встретились на Фенекетлин-то – там ещё стояли древние аппараты для кормления уток. Озеро сильно обмелело, а уток здесь последний раз видели лет десять назад, но какой-то сумасшедший старик выкупил это место у города и не давал разрешения на утилизацию металлических ящиков, время от времени подкрашивая их в исконный яично-желтый цвет.

– Любопытное место, – заявил адвокат, пожимая Ласло руку. – Город давно хочет выкупить его у владельца обратно да все не получается.

– Есть богатые инвесторы?

– Конечно. Самый центр, туристическое место – поставить мощные уличные кондиционеры, открыть бар, устроить зону с игровыми автоматами и рулеткой и форинты потекут рекой. Да тех же уток завести из норвежского зоопарка и подрезать им крылья – пусть плавают на потеху публике. Но, увы… Священное право частной собственности.

– Налоги, проверки, штрафы…

– Да сколько раз пытались! У этого старика каждый раз находятся деньги. Полагаю, за ним стоит кто-то из финансовых воротил.

Ласло мысленно усмехнулся. Каждый раз, анонимно оплачивая штрафы и налоги владельца утиных кормушек, он тайком радовался провалившейся попытке отобрать озеро. С самим упрямцем они знакомы не были – зачем? Скорее всего, старик боялся и не терпеть не мог подобных Ласло, химически неполноценных выходцев из fertőzött területek – зараженной земли. Их все боялись и ненавидели, просто толерантно не показывали вида: к существу, которое остается человеком, пока принимает таблетки, трудно относиться по-дружески.

– Поговорим о деле?

Адвокат полез в карман, вытащил пачку сигарет и по въевшейся в подкорку привычке воровато оглянулся: курить в общественных

местах было запрещено, но здесь, на частной территории, его мог оштрафовать только сумасшедший старик. А тот и сам не вынимал трубку изо рта, отчего на всех публичных фотоснимках половина его лица была размазана в пиксельную кашу.

– Насколько я понял, вы хотите вытащить своих друзей из Пузыря?

– Это возможно?

– Да, но безо всякой гарантии.

– Пять миллионов мертвых президентов, переведенных в биткойны, и без гарантии?

– Увы… Всё, что зависит от меня, будет исполнено. Выброс у ближайшего вахтового поселка, доставка оттуда к нелегальной червоточине, пробой Пузыря и автоматический транспорт – скорее всего рыболовецкий сейнер.

– В чем же проблема?

– В ваших друзьях.

Ласло никогда не жаловался на рост, но его собеседник был на целую голову выше – худой и какой-то нескладный, с длинными ногами, если бы не перебитый нос, короткая стрижка и хищный взгляд, он бы сошел за учителя или врача. Вот и сейчас он смотрел на потенциального клиента, оценивая реакцию – скорее всего в тех самых мертвых президентах.

– Поясните.

– Вашим друзьям нужно будет добраться от места выброски до ближайшего вахтового хаба. Электроника на fertőzött területek глушится спутниками – ну да вы знаете, связь возможна только по радио, но самолеты там летают. Старые, без электронной начинки. Вот на таком раритете из хаба их перебросят к побережью, где в оговоренный час откроется червоточина на выход.

– Так в чем проблема?

– В ваших друзьях, – повторил адвокат. – После расчеловечивания люди непредсказуемы. Я организовал больше десятка подобных операций, и только две закончились успешно. Причем осужденных вытащили силой, против их воли – они задолжали серьезным людям. Поэтому с некоторых пор я предупреждаю заранее – шансы на успех стремятся к нулю.

– Могу ли я попасть на ту сторону, чтобы вытащить их лично?

Во взгляде собеседника мелькнуло нечто вроде уважения:

– Попасть можете, но только через нелегальный вход в отличие от них. А Пузырь большой, и если они не выйдут к точке встречи – искать бесполезно.

Адвокат докурил сигарету, снова воровато оглянулся и сунул бычок в аппарат для кормления уток. Всё-таки мальчишество неистребимо – оно живет даже в отъявленных бандитах. Ласло стоял с отрешенным видом – размышлял.

– А если меня осудят вместе с ними? – спросил он после долгой паузы. – Сможете тогда организовать, чтобы нас переправили за периметр всех вместе?

глава 2

Червоточина схлопнулась с резким чмокающим звуком, и красновато-масляное пространство, похожее на внутренность дождевого червя, мгновенно исчезло. Жарко не было – ноябрь принес в эти края прохладу, и деревья по обе стороны дороги, которая всё ещё угадывалась по растерзанному временем и растениями асфальту, только-только начали скидывать листву. По останкам этой дороги осужденным предстояло пройти километров двенадцать, отыскать поворот на юг к перевалочной базе вахтовиков и прошагать до неё ещё километра три-четыре. Ощущения после расчеловечивания оказались странными – их словно выстудили изнутри. Ласло чувствовал лёгкий голод и столь же лёгкую тревогу или даже не тревогу, а настороженность. И больше ничего. Только по спине бегали мурашки – так странно человеческая кожа реагировала на пространственные переходы.

– Хорошо-то как, – неожиданно произнесла Настя. – Чувствуете, как хорошо? – Такой умиротворенной друзья никогда ее не видели. – Вас разве не достало это постоянное нытье внутри?

– Какое нытье?

– Рефлексия – вот как эта гадость называлась. На душе вечно ныло, скребло, а теперь хорошо…

Она так и не рассталась со своим растянутым свитером – стояла, закрыв глаза, и ноздри её слегка подрагивали, принюхиваясь к запахам диких трав и цветов. Настю вывезли из зараженных земель совсем маленькой – она не помнила ни кто это сделал, ни куда потом пропал, только ощущение безопасности, когда ее спаситель был рядом.

Передавая малышку Красному кресту, мужчина натянул на замерзшую девочку свой свитер… Она росла скверной девчонкой – воровала и лгала без зазрения совести, но только у тех, кого считала чужими. Чужим для нее был весь мир, кроме нескольких человек, с которыми Настя сдружилась в лагере беженцев. Иногда Ласло казалось, что его подруга не испытывает никаких особых чувств к нему, но для него остальной мир тоже был чужим. И это ощущение “мы” против “них” держало их вместе крепче самой сильной страсти.

– Мне моё состояние не нравится, – Ласло поддел носком ботинка камешек и подкинул его в воздух. – Всё вокруг стало пустым после расчеловечивания. Не чувствую красоты – ни леса, ни облаков, ни дороги.

В ответ Дмитрий презрительно фыркнул – он и до расчеловечивания не понимал, о какой красоте толкует приятель: деревья – это дрова, реки – вода, звери – мясо, а всё остальное – выдумки бездельников. Внешность его была полной противоположностью характеру: со стороны казалось, что перед тобой солидный и основательный молодой человек – из тех людей, которые семь раз отмерят, прежде чем возьмутся за ножницы. Но Дима не умел ничего делать “в долгую” – остывал к новому делу, бросал его и брался за новое. Жизнь его складывалась из коротких пятиминутных клипов – доиграть очередной начатый сюжет до конца он был не способен. Зато сорваться на драку по крику “наших бьют” – без раздумий. Сколько таких драк, бок о бок и спина к спине, они провели с Ласло в юности – не сосчитать. В Настю Дима был безответно влюблен с детства, и та вертела им как хотела, но всегда держала на расстоянии вытянутой руки. Женщины не любят тех, кто отдает им инициативу в отношениях, а в её присутствии Дима отчего-то робел.

– Пошли, – Ласло посмотрел на механические часы, разрешенные к вывозу через периметр и зашагал по разбитой дороге. – Сегодня ночуем на базе, завтра вылетаем к точке пробоя, нам понадобится отыскать там одного человека. Точнее, включить радиомаяк и он нас сам отыщет.

– Какой ещё человек? Зачем?

– Не знаю. Какой-то нелегальный тип, не успевший к пробою. Его должны были забрать контрабандисты, но червоточина схлопнулась

раньше, чем он пришел, а затем их накрыли власти. Вот мы и должны вывести его к новому пробою.

– Да на хер его.

– Пробой запаролен, а половинку пароля знает только этот тип.

Кроме разбитой дороги ничто не напоминало о локальном апокалипсисе. Обычная степь с редкими околками и заросшей густым подлеском полосой снегозадержания из старых, местами поваленных, тополей. За ней – бывшие поля, ставшие лугами: слабый ветерок доносил прелый запах отживающих последние недели трав. Они шли уже часа полтора, когда Настя вдруг спросила:

– Как здесь люди живут?

– Людей здесь нет, забудь это слово, – Дима резко остановился, снял ботинок и убрал из него залетевший камушек. – Каким бы не был ты цивильным, тихим и домашним, придурковатая мартышка дремлет в каждом.

В отличие от умиротворенной Насти он был весь какой-то взвинченный, нервный, и время от времени бросал на Ласло странные взгляды, словно примеривался перед дракой. Он и песню процитировал по привычке: вспомнилось – сказал.

– Те, кто посильней, сбиваются в банды, – Ласло тоже остановился, ожидая пока спутник завяжет шнурки. – Те, кто послабей, попадают в рабы. Сбылась мечта либертарианцев – нашлась территория, свободная от любой власти, кроме власти собственного кулака. А так-то здесь и деревеньки какие-то есть, и землю обрабатывают, и скот держат, и какой-то обмен с контрабандистами ведут. Ну и, конечно, множество диких поодиночке и скопом кочуют по территории и убивают всех, кого встретят.

Дима поднялся на ноги и внезапно лицо его изменилось – в траве на обочине он увидел деревянный кол с насаженной на него человеческой головой. Чуть дальше, шагах в десяти, стоял еще один такой же, но пустой. Воткнули их не сегодня и не вчера, но и не в прошлом году: на черепе еще виднелось потемневшее мясо, над которым кружились большие мухи с необычно-зелёными фасеточными глазами.

– Вот дьявол… – Ласло выплюнул на дорогу жвачку.

Некоторое время они стояли, не решаясь двинуться с места. У Насти в глазах плескалось животное любопытство, смешанное со

страхом. Её одновременно привлекал и отталкивал вид запекшейся и потемневшей крови. У Димы подрагивали пальцы, готовые в любой момент сжаться в кулаки. Ласло оставался спокойным, но сузившиеся зрачки и цепкий взгляд выдавали его напряжение. Текли секунды – ничего не происходило. Где-то невдалеке чирикали, перекликаясь, мелкие птахи, долбил по дереву дятел, жужжали шмели, шуршали крыльями стрекозы, ветер с легким шепотом ворошил высокие травы. И только мухи по черепу ползали беззвучно – природа не наделила их способностью издавать звуки столь же мерзкие, как они сами. На Ласло спикировал паут, человек прихлопнул его ладонью и стал спускаться с дороги.

– Это сверток к вахтовой базе, – пояснил он. – А голову на кол насадили, чтобы диких отвадить. Вообще-то они и так сюда не суются – на них наши цивилизованные и добрые самаритяне охотятся в качестве развлечения. Но некоторым мозг отшибает конкретно.

Когда случилась катастрофа, Ласло исполнилось семь. Жителей огромной территории накрыло генетическим штормом, а те, кто выжил, потеряли способность “вырабатывать чувства”. Прежде, чем построили невидимую стену, накрыв зараженные земли пузырем, он успел бежать из пораженной зоны. Беженцев собрали в особые лагеря близ развалин замка Сиглигет – и долгих пять лет, пока медики не изобрели специальные препараты, Ласло провел одном из таких лагерей. Его первое воспоминание как человека – красота Балатона. Мальчишка тогда просто задохнулся от вида прекрасного озера и, стоя на холме Варегьи, никак не мог оторвать взгляда от голубой воды и белого паруса, трепыхавшегося на ветру, словно крыло бабочки. Неожиданно рядом остановился крепыш со сбитыми коленками и синяком под глазом и протянул руку:

– Меня зовут Дима, а тебя как?

– Владислав. Но зови меня Ласло.

Они поладили сразу же. Вместе лазили в руинах древнего замка, вместе дрались с местными ребятишками, когда тайком выбирались в ближайший городок. Там “химических” не любили, слухи о них ходили самые разные, но все как один жуткие. Дима был идеальным солдатом, а Ласло верховодил химической ватагой, собранной из мальчишек лагеря. Прошло два десятка лет, друзья шли по заросшей

травой тропе, а позади мухи обгладывали человеческую голову, водруженную на кол.

От свертка до базы оказалось недалеко. Спустя час с очередного холма открылся вид на защитный периметр – столбы, между которыми искрился и плавился от высокого напряжения воздух. Каким образом был достигнут визуальный эффект, Ласло не знал, но впечатление оказалось сильным. Даже самый тупой абориген поостерегся бы соваться в эту рукотворную грозу.

– И как нам туда попасть? – ноздри Насти слегка раздувались, словно она принюхивалась. Ласло вдруг понял, отчего голос подруги кажется ему чужим – от самого портала он ни разу не услышал в его обертонах привычной иронии.

– Сходи к мудрому таинственному дереву и спроси, – устало падая на землю, посоветовал Дима. Рядом с ним на траву опустилась Настя. Их вожак неопределенно пожал плечами и последовал совету – двинулся к “мудрому таинственному дереву”. Цифровой пароль, открывающий проход, ему передал адвокат. Время от времени за периметр базы уходили вахтовые экспедиции, и ее обитатели предпочитали иметь “бесконечные ворота”. Столбы, между которыми сверкали молнии, были сделаны из инновационного бетона – оптоволоконные нити, способные пропускать свет и одновременно выдерживать колоссальные нагрузки, с наступлением сумерек тоже начинали светиться. В этой заброшенной стране, одичавшей и опустевшей, видеть современный технологичный объект было удивительным. Но Ласло не почувствовал ничего, лишь отметил этот факт холодным разумом.

Дверца щитка на ближайшем столбе оказалась вырвана, а сам он помят и искорежен. Зря, видно, пугали аборигенов вахтовики отрезанными головами – здесь явно время от времени кипели настоящие сражения, и всё новые банды предпринимали попытки прорваться на территорию базы. Ласло двинулся вдоль ограды в поисках следующего щитка. За три десятка лет, минувших с момента катастрофы, земли совершенно одичали. Кусты, травы и деревья постепенно поглощали города, а здесь – вдали от бывших мегаполисов – расплодилась масса зверья. Жирный байбак, завидев человека, отчаянно засвистел, предупреждая сородичей, и юркнул в нору, скрывшись с глаз. Оглядевшись, Ласло заметил точно такие же норы

на территории базы – наверное, под землёй можно было преодолеть периметр безопасно, и умные байбаки этому научились. Через пару километров (ещё несколько искалеченных коробок по пути) над его головой развернулась настоящая битва: сапсан погнался за мелкой, но шустрой пичугой. Сложив крылья, он камнем падал с высоты и, как ни пыталась жертва увернуться, ей это не удавалось. Не расправляя крыльев, хищник петлял следом будто самонаводящаяся ракета, и, наконец, настиг цель в десятке метров над землей. Удар когтей был столь силен, что у жертвы оторвало голову – и та полетела через ограду. Мгновенье – вспышка – и от птичьей головы остались одни угли, осыпавшиеся на землю. Сапсан не обратил на это внимания: лениво махая крыльями, он уносил добычу в сторону от человеческого жилья. Хищная птица тоже знала, на какой высоте можно пересекать невидимую границу, а на какой её ждет смерть.

Отыскав целый щит, Ласло набрал код, открыл коробку и отключил напряжение – марево между столбами тут же исчезло. Оглянувшись по сторонам, он миновал невидимую линию, и впервые после того, как оказался в Пузыре, звериное заспорило с воспитанием. “На хрена тебе тащиться обратно? – громко возмутилось оно. – Ноги собьешь”. “Там друзья”, – неуверенно ответило воспитание. Мысль о друзьях показалась ему глупой: никаких чувств к оставшимся он сейчас не ощущал. Пожалуй, они были даже обузой, лишним и ненужным грузом в пути. Следовало торопиться, а не бегать взад-вперед вдоль периметра: вдруг получится улететь уже сегодня? Но вслед за доводами эго на ум пришло их общее решение поступать по-человечески: без таблеток можно оставаться людьми, только следуя правилам. Все эти мысли пронеслись в его голове до того, как раздался пикающий звук – вроде того, который возникает, когда машина пятится задом. Услышав сигнал, Ласло вздрогнул и торопливо выскочил обратно. Он шагал обратно к холму и как будто вколачивал шагами гвозди в дичающий мозг: по-сту-пать-по-че-ло-ве-чьи, по-че-ло-ве-чьи, по-че-ло-ве-чьи… Прихлопнул комара, размазав выпитую им кровь по щеке, сбился с ритма и вновь зашагал: по-че-ло-ве-чьи, по-че-ло-ве-чьи, по-че-ло-ве-чьи… Вдохнул – выдохнул, поднял голову к небу – прежний сапсан кружил высоко-высоко, то ли совершая моцион после сытного обеда, то ли, наоборот, высматривая очередную добычу. Засмотревшись, Ласло чуть не прошел холм, на котором оставил

друзей – узнал вырванный с корнем щиток на столбе. Повернул вверх по склону и услышал стоны – Настя и Дима трахались в высокой траве. Когда Ласло поднялся, они уже лежали порознь.

– Ну что? Отыскал вход? – лениво поинтересовался Дима.

Настя бесстыдно развалилась на траве, не стараясь прикрыться.

– Здесь определенно лучше, чем там, – промурлыкала она. – Там меня совесть мучила, когда я тебе пару раз изменила, а здесь даже и слово это – измена – глупо звучит.

Она неожиданно захихикала, а потом поманила пальцем:

– Давай продолжим! Димка слабаком оказался, рано кончил.

Несколько секунд Ласло размышлял, как следует поступить. Прежняя память подсказывала: его только что предали, а человек не должен безучастно реагировать на предательство. Он смотрел на Настю, Настя игриво смотрела на него, а где-то в электронном кармане адвоката-цапли бесшумно позвякивали биткойны, уплаченные за то, чтобы их выкинуло на этот холм из одной червоточины. Высоко в небе висело химическое солнце – бесчувственное светило, для которого не имело никакой разницы кому светить. Наконец, Ласло развернулся и зашагал вниз, решив, что у каждого должен быть свой выбор. Но шагов через двадцать остановился: по-человечески следовало вытащить бывших друзей обратно в нормальный мир, а уже там разбежаться в разные стороны.

– Поднимайтесь и догоняйте, – хрипло сказал он, обернувшись. – Отстанете, ждать не буду.

глава 3

Ни в армии, ни на флоте невысокий рыжеволосый крепыш – комендант вахтовой французской базы в зараженных землях – никогда не служил. Но все его называли “капитаном” – откуда и когда взялась эта странная привычка никто, включая самого коменданта, уже не помнил. В молодости Антуан мечтал стать звездой снукера и даже отыграл пару сезонов в мейн-туре, дойдя до полуфинала Крусибла, но затем вдруг увлекся авиацией – не той современной, летающей на компьютерной тяге, а далекой ее предшественницей. Из эпохи, когда человек мог прогуляться взад-вперед по крылу прямо в полете, а колеса шасси подкачать обычным велосипедным насосом. Летать на таких самолетах можно было где-нибудь в забытых Богом джунглях Центральной Америки или в зараженных землях восточной Европы.

Так он попал на базу и быстро здесь прижился, дослужившись до коменданта. Десять месяцев лета – вахта, четыре месяца зимы – отдых. Такая жизнь неожиданно пришлась ему по нраву. Он даже сыграл пару турниров в снукер, не столько желая вернуться обратно в мейн-тур, сколько для собственного удовольствия. Шары всё еще летели точно, но биток уже был не тот и постоянно терял позицию. Снукер всё равно, что шахматы: если ушел, то обратно уже не вернешься.

Заказ переправить троих расчеловеченных на побережье, Антуан воспринял с воодушевлением. Во-первых, за это хорошо платили левыми деньгами, а во-вторых, среди них была баба. База служила перевалочным пунктом, надолго здесь никто не задерживался, за исключением коменданта, охраны, повара и двух механиков – из гаража и ангара. Пройдя червоточину, очередная экспедиция пару дней готовилась к выходу, а затем уходила по заранее намеченному маршруту – в основном, мародерствовать на свое правительство в руинах старых городов. Вахтовый поселок считался международным и находился под эгидой ООН. Если женщины и появлялись на базе, то обычно ненадолго и на рыжего капитана с обаятельной французской улыбкой внимание обращали редко. Он пытался пару раз приручить баб из диких, но из этого ничего не вышло – они выросли вдали от цивилизации и не отличались миролюбием. Но что еще хуже – секс с ними тоже был звериным, без нежности и страсти, просто тупой животный трах. Одна из этих самок чуть не прирезала Антуана за кусок мяса, когда он в шутку попытался его отобрать и с тех пор француз зарекся иметь дело с дикими. Другое дело, баба из Европы – лишенная чувств, она все равно оставалась женщиной, привыкшей к комфорту, уходу, хорошей пище и знающей толк в чувственной любви. Капитан решил, что оставит ее на базе.

Антуан пил чай, когда на пульте охраны периметра зажглась красная лампочка, а резкий визгливый зуммер оповестил о том, что 58-й сектор ограды отключен. Капитан резко дернулся и в который раз пожалел, что в зараженных землях глушится работа любых электронных систем. Допотопные системы сигнализации, основанные на аналоговых электрических сигналах, были громоздки, неуклюжи, неудобны и требовали таких же допотопных (а потому жутко дорогих) видеокамер – начальство скупилось, на местах воровали, вот и оставались многие сектора просто слепыми.

– Пожаловали! – вслух пробормотал капитан, отставляя в сторону кружку с чаем. Снял со стены ремень с кобурой и застегнул его на поясе, сунул в кобуру пистолет. Но тут зуммер прозвучал еще раз: кто-то зашел и тут же вышел? Антуан недоуменно пожал плечами, прошествовал на улицу и свистнул. Две огромных овчарки, чьи матери явно путались с одичавшими беспородными псами, поднялись на лапы и пристроились по обе стороны от коменданта базы. До 58-го сектора было три километра и идти их пешком комендант не захотел. Завел “Виктори”, который всегда предпочитал “Харлею”, и по привычке стал подгазовывать, ожидая, пока прогреется мотор. Одна из собак попыталась залезть в люльку, но Антуан шуганул ее – пусть бежит рядом. Через несколько секунд мотоцикл двинулся с места и покатил к 58-му сектору.

Настя с Дмитрием догнали Ласло на полпути к найденному входу на территорию базы. Их лидер шагал не оборачиваясь, равнодушно отмеряя шаги и молчал. Он уже вычеркнул обоих из своей будущей жизни – какой бы та ни была, но вычеркнул за периметром зараженных земель. Ни от одного пункта программы, сочиненной до расчеловечивания, Ласло отступать не собирался. Вытащит бывших друзей из Пузыря, тогда и расстанется с ними. Пузырем эту территорию прозвали когда-то шутники из социальных сетей – за ролик, в котором перепуганным обывателям объясняли, как устроен периметр. Та самовосстанавливающаяся космическая субстанция, сквозь которую нынче строили переходы-червоточины, очень напоминала надутый воздушный шар, готовый вот-вот лопнуть.

На территорию базы Ласло провел своих спутников через уже знакомый ему проход. Их встречали. Два огромных пса, принюхиваясь, обошли застывшую троицу. Хозяин собак – невысокий рыжеволосый мужчина в потёртой лётной куртке скользнул внимательным взглядом по фигурке Насти:

– Садись в люльку.

– Куда? – не поняла женщина.

– В коляску. Поедешь со мной, у меня давно бабы не было. Зато бухла и деликатесов – завались, тебе понравится.

Настя осклабилась:

– Нет в Дорне ни одного жеребца, которого я не могла бы оседлать.

Она тоже любила идиотские цитаты из старых фильмов. Капитан кивнул и с интересом уставился на ее спутников.

– Возражения есть? – иронично спросил он. Видимо, это было давно отработанной командой: собаки послушно плюхнулись на свои мохнатые задницы и склонили голову на бок, высунув языки. При этом взгляды их не обещали ничего хорошего тому, у кого возражения найдутся. Дима скрипнул зубами, Ласло помотал головой.

– Тогда вы двое идете сами – собачки проводят, не заблудитесь. Переночуете в казарме – пожрать принесут, а утром тесной мужской компанией полетим к побережью. Всё ясно?

И снова Дмитрий угрюмо промолчал, а за двоих кивнул Ласло.

– Всё ясно? – обернулся капитан к усевшейся в люльку-коляску Насте.

– Мне здесь уже нравится, – ответила она, оскалив зубки. В той, человеческой жизни, это было милой улыбкой, но теперь казалось насквозь фальшивой гримасой. Ласло отстраненно подумал, что его бывшая подруга добровольно дальше не полетит. Бухло, жратва и местный альфа-самец – что ещё нужно звериной самке? Лучшего места в зараженных землях ей не найти, а возвращаться Настя уже не хочет. Программа в его голове требовала забрать бывшую подругу с собой, но чем дальше, тем больше прежние планы становились нелепыми и бессмысленными. Думать не хотелось, а пространные предложения в голове сжимались до коротких фраз. И только парус – белоснежный треугольник, трепещущий над волнами Балатона – по-прежнему манил обратно. Ласло помнил вкус красоты и хотел почувствовать его снова.

Standard expedition complex (SEC) представлял из себя жилой пятидесятиметровый прямоугольник из аморфных металлов, древесного стекла, бумажных композитов и гидрокерамики. По сути – передвижная казарма, которую легко тащил за собой по земле обычный тягач. На крыше были приварены специальные крюки для переноски дирижаблем по воздуху, а водонепроницаемая гидрокерамика помогала транспортировать такую казарму по морю. За периметром, в нормальном мире, помещение было напичкано бытовой электроникой – тут тебе и кухня, и душевые кабины, и стиральный бокс, и прямая связь с любой точкой планеты, и многое другое вплоть до закрывающихся спальных боксов, отделяющих тебя от других

обитателей. Какой-то шутник прозвал sec-казарму sex-казармой, отломав букву от первого слова и заменив её иксом. Так и приклеилось – теперь иначе эти экспедиционные помещения и не называли. Увы, в зараженных землях электроника не работала, а потому все эти удобства оказались заблокированы: не работали ни кухонная печь, ни стиральная машина, ни кондиционеры, не закрывались стенки боксов и, естественно, отсутствовал вай-фай. Даже электричество и то пришлось проводить заново – пробрасывать от генератора базы отдельный кабель. В общем, sexa стало больше и совсем не того, о котором мечтали вахтовики. Но это из сарая трудно сделать комфортное жилье, а из комфортного жилья сарай – запросто.

Внутри помещение было поделено на боксы, между которыми оставили широкий коридор. Вся бытовуха (кухня, душевые, туалет, стиральный комплекс, техблок) располагалась в самом конце, с отдельным выходом. Ласло остановился в дверях и оглядел казарму – после очередной экспедиции никто не удосужился прибраться: пол был затоптан, белье с кроватей убрано не везде, повсюду валялись обертки пищевых концентратов.

– Свиньи, – произнес он бесстрастным голосом, не осуждая, а лишь констатируя факт.

Прошел в помещение, опустился устало на широкий пластиковый табурет без спинки и хотел было посмотреть на часы – уже даже согнутую в локте руку поднял, оставалось только сдвинуть край рукава, оголяя циферблат – как вдруг получил неожиданный и сильный удар в грудь. Дмитрий бил ногой в солнечное сплетение, и если бы не поднятая рука, наверняка вышиб бы дух напрочь, а так лишь опрокинул на пол. Между ними оказался упавший табурет – это дало пару секунд, и Ласло успел сгруппироваться. Не счесть раз, сколько его роняли в лагерных драках на Балатоне, и он научился обороняться лежа – отбиваться ногами от атакующего противника, пинать всё, что приближается – в голени, в колени, в пах, крутиться, когда пытаются обойти сбоку. Нападавший отбросил табурет, рванулся к поверженному противнику, и тут же нарвался на болезненный удар ботинка под коленку. Зарычал от боли, замешкался, упустил момент, и подарил противнику время, чтобы встать на ноги. Но следом на Ласло обрушился вихрь ударов: он закрывался, уворачивался, принимал чужие кулаки на родные локти и плечи, не успевал отвечать и отступал

всё дальше и дальше под этим бешеным натиском. Дикая первобытная ярость, казалось, заполнила всё пространство: девяностокилограммовая обезьяна по имени Дима билась за место в иерархии, желая размазать соперника кровавым месивом по стенам и полу. На очередном полушаге назад спина Ласло коснулась вертикальной балки, поддерживающей крышу, и он тут же нырнул в сторону, пропуская удар. Димин кулак со всей дури врезался в стеклобетон, и боль, словно молния прожгла его от кулака до висков – словно раскаленный гвоздь вонзили прямо в мозг. Ласло момент не упустил: джеб левой в грудь – соперник застыл, пытаясь вдохнуть выбитый из легких воздух, и тотчас удар справа прямым в голову уронил его на пол.

Когда механик принес им ужин, Дима сидел на полу, привязанный к балке, о которую разбил кулаки. Вахтовик посмотрел на побитые рожи, поставил контейнеры с едой и торопливо попятился на выход. Рука его нервно дернулась к поясу, но кобуры со стандартным для вахтовиков свч-пистолетом на поясе не было.

Все тело Ласло болело от ударов и ссадин – стиснув зубы, он доковылял до кулера с водой. Выпил подряд два стакана, третий и четвертый вылил себе на голову, обернулся к бывшему другу. Тот злобно зыркал, прискуливая от боли: лоб его был разбит, и кровь уже запеклась, но вытереть её связанными руками он не мог. Ласло набулькал ещё один стакан, подошел и отёр ему лицо. Затем принес еду и поставил на пол.

– Отвяжу одну руку, чтобы пожрал. Попытаешься ударить – останешься без жратвы.

– Я с тобой не полечу.

– Полетишь. Ешь и слушай: мне на вас наплевать, ваших обещаний не хватило даже на день. Но у меня есть программа вот здесь, – Ласло постучал по голове. – И чтобы самому остаться человеком, я буду ей следовать. Скажи мне, какого черта ты на меня напал?

Дима полоснул по нему злобным взглядом, пошевелился и все-таки взял ложку.

– Я таблетки заначил, – неожиданно признался он. – Они из меня химию выкачивали, а я таблетки пил. Думал, поможет в пути, а теперь все чувства нараскаряку выворачивает.

Он с угрюмым видом съел несколько ложек, отрыгнул и снова заговорил:

– Настя отсюда не поедет и насильно ты ее не увезешь. А раз она остается – останусь и я.

– Так вот для чего ты таблетки пил! Боялся Настю разлюбить?

Ласло поднялся на ноги, шумно выдохнул и зашагал к выходу – ему захотелось на воздух. Дверь никто не закрывал, и он на мгновенье удивился этому факту, но тут же увидел выломанный замок – видать не они одни буянили, вахтовики тоже отличились. Охраны не было, лишь собаки валялись неподалеку на траве. Одна из них подняла голову и предупредительно зарычала.

– Влюбленный идиот! – произнес вслух Ласло.

Пёс зарычал громче.

– Это я не тебе.

Все прежние планы летели к черту. Как вывести из зараженных земель тех, кто не хочет уходить? Постояв минут десять и ничего не придумав, Ласло вернулся обратно. Дима уже поел и пытался одной рукой расковырять крепко затянутый узел на другой, но у него никак не получалось. Увидев товарища, он разочарованно вздохнул и не стал сопротивляться, когда тот снова связал ему обе руки.

Ласло вскоре заснул, но часа через три в их обитель неожиданно заглянул рыжеволосый француз – наверное, ему сообщили о драке. Лётчик был расслаблен, доволен и заметно выпивши. Смахнул пустые контейнеры с тумбочки, уселся и достал электронную дымилку. Видно, ему не хватало не только баб, но и погреть кому-нибудь уши.

– Пытаешься остаться человеком, парень? – оценив обстановку, хмыкнул он. – А это une fleur rebelle?

Ласло поднялся с кровати и сел, опустив ноги на холодный пол. Неясные сновидения медленно уходили, выплывая в приоткрытую дверь за спиной гостя.

– Мятежный цветок, – перевел Антуан характеристику, данную Диме. – Забудь о нем. Неверный друг – опасный враг, так у нас говорят. Химия прежних чувств не работает, и все твои потуги ненадолго: зверь всё одно возьмет верх над мозгами.

– Даже собака любит, когда её гладят. А обезьяны вычесывают друг у друга насекомых из шкуры.

Француз затянулся и выпустил струйку дыма через ноздри. Он стал похож на инфернальное существо – небольшого сгорбленного чертика, вылезшего из преисподней.

– Стадные животные немного мутанты. Организм некоторых начинает вырабатывать социальную химию – назовем её так, а старуха эволюция отбирает таких особей и спаривает. Именно так наши предки стали людьми. Поколение за поколением они улучшали свои химичесские процессы, пока не родился чудак и не стал проповедовать терпимость к врагу: мол, не имей сто рабов, а имей сто друзей. Сперва к нему относились как к идиоту, но со временем – эдак через несколько столетий – такая позиция стала доминирующей. Вопрос: почему? Ответ: эгоистичный ген. Читал Докинза?

– Даже не слышал.

– А я, представь, читал! Что тут еще делать без баб? Докинз пишет, что быстрее и больше размножаться стали те, кто разделял взгляды нашего чудика на рабство. Они наследовали нужный ген, а ген включал в организме нужные химические процессы. Ну а потом грянул генетический шторм – и тысячи лет эволюции смыло в унитазы многоквартирных домов. “Ma vie, mes regles” – моя жизнь, мои правила.

От его заумной болтовни у Ласло разболелась голова. Раньше он и сам любил пофилософствовать, но теперь все эти рассуждения казались бессмысленными. Жизнь стала чередой физических желаний, а досужая болтовня – шумом ветра в кронах деревьев. Если бы не цель – выбраться отсюда, снова испытать радость от простого созерцания мира, он бы действительно плюнул на неверных друзей. Но вместо этого спросил:

– Как там Настя?

– Надралась и спит. Я её в отдельный домик для прислуги определил – пусть привыкает. Не переживай, ей здесь хорошо будет.

– Я разучился переживать.

– Ах, да… – француз в последний раз выдохнул дым, попытавшись пустить кольцо, не сумел, рассмеялся негромко и из согбенного представителя преисподней снова стал обычным человеком. – То есть драться за нее ты не полезешь?

– Нет.

Короткий ответ показался Ласло неубедительным и он пояснил:

– Это ее выбор.

Вышло немногим лучше..

– Завтра надо вылететь до обеда, – сообщил летчик, – хочу засветло вернуться обратно. Побережье большое и не везде там можно нормально приземлиться. Своего дружка берешь? Или мне выкинуть драчуна за периметр?

От Ласло не ускользнул взгляд, который его бывший товарищ исподтишка бросил на француза. Тяжелый, полный ненависти и почти животной злобы.

– Беру.

Ему в голову пришел отличный довод и он торопливо соврал:

– За него деньги заплатят, парень кое-кому задолжал. А за бабу – нет.

Француз бросил взгляд на привязанного к столбу Диму и ухмыльнулся:

– Ишь как глазами сверкает! Чисто зверь. У нас во Франции говорят “Le leopard ne peut pas changer ses taches” – леопард не может изменить своих пятен. Как ты собираешься его везти?

И снова, словно в награду за упорство, Ласло осенила идея:

– Снотворное на базе есть?

– Снотворное? – удивился француз. – Только в дротиках. Видел, наверное, такие ружья для зоологов: стреляешь в зверя и тот засыпает. Вахтовики их для ловли аборигенов пользуют.

– Одолжите? Двадцать тысяч сверху. У моего адвоката есть резервная сумма на такой случай.

Француз подумал: почему бы инет? Выстрелит в него? Зачем? Кто поведет самолет? Выстрелит потом? Опять же зачем? За двадцать тысяч можно было рискнуть.

– Расписку для адвоката пиши. Свяжусь, пусть скинет на счет.

– И ещё, – пошел ва-банк Ласло. – Собаку уберите. Я их с детства ненавижу – с тех пор как они охраняли наш лагерь в Сиглигете. Не удержусь и либо я ей голову сверну, либо она меня разорвет.

Никаких собак в Сиглигете не было, но француз о том знать не мог. План действий, еще не совсем ясный, складывался в голове Ласло из маленьких кусочков, словно пазл, деталька к детальке. На этот раз летчик ответил не сразу: некоторое время он с подозрением разглядывал своего гостя.

– Ещё тысяча сверху.

– Хм… Ты явно хочешь куда-то пойти, – начал вслух размышлять француз, – и собака тебе мешает. Так куда?

– Трахнуть его самку, – Ласло кивнул на Диму. – Ты ведь не возражаешь? Я только что из больницы, не заразен.

Они договорились минут через двадцать и за это время гонорар француза подрос вдвое.

– А неплохо быть сутенером, – ухмыльнулся тот. И где-то на заднем дворе в голове Ласло промелькнула мысль, что зараженные земли разъедают и тех, кто приходит сюда из нормального мира. Но вслух он ничего не сказал. Француз ушел, мурлыча легкомысленный старый мотивчик. “J'ai fini par me rendre à l'évidence, – напевал он. – quand moi je pleure, toi tu danses…”. [“В конце концов я понял, что когда я плачу, ты танцуешь” – Прим. авт.]. Ласло подождал несколько мгновений и обернулся к бывшему приятелю: тот яростно что-то мычал, пытаясь освободиться.

– Успокойся, – сказал он. – Я соврал этому хмырю.

Настя не просто спала – она явно перепила и была в полной отключке. Ласло только порадовался этому: дротик со снотворным остался у него и мог при случае послужить оружием. Дима подхватил тело женщины на руки.

– Свитер захвати, – хрипло произнес он.

Луна то выползала, то пряталась за тяжелые облака, погружая базу во тьму. Здесь, на востоке, ночная тьма была кромешной – той, про которую говорят “хоть глаз выколи”. Где-то в стороне, недовольные, что их заперли на ночь, ворчливо брехали собаки. Хозяин базы, уставший от вина и утех, спал крепким сном под их присмотром. Ласло в очередной раз поразился силе бывшего приятеля: тот нес Настю на руках и, казалось, нисколько не уставал от этого. Лишь, когда они добрались до самолета, он опустил свою ношу на землю.

– Летчик не полетит с ней.

– Полетит! – Ласло шлепнул ладонью по шее, пришиб комара и поморщился. – Нас двое, ножи мы со стола у Насти прихватили.

Самолёт был похож на продолговатый ящик, по бокам которого приварили крылья с пропеллерами и моторами, сзади – хвост, а спереди – кабину для пилота и бортинженера. Краска местами облезла

– казалось, с остова древнего дракона отвалились отжившие свой век чешуйки. Мужчины подхватили тело Насти за руки и за ноги и кое-как втащили вовнутрь. Дверь в чрево дракона располагалась между крыльями и хвостом и была неудобной и маленькой. Входить в нее следовало пригнувшись, и Ласло, отвлекшись, приложился о металлический борт лбом. Внутри оказалось еще темнее, чем на улице, и глазам понадобилось время, чтобы различить несколько пассажирских кресел и бесформенную груду картонных коробок в задней части салона. Дима засуетился, разломал картон и устроил для Насти подобие ложа, положив под голову свернутый свитер. Ласло в этой возне участия не принимал: он уселся в одной из кресел и уставился в окно. В мутном сумраке, подсвеченном самым краешком Луны плавали неясные тени. Мысли были такими же – неясными, сумрачными. Болели синяки и ссадины, полученные в драке, ноги налились усталостью, спину ломило и поверх всего этого хотелось спать.

– Ты ее никогда не любил, – Дима опустился кресло по другую сторону прохода.

– Тебя на поговорить пробило? – поморщился Ласло. – Сходи к мудрому таинственному дереву и поболтай с ним. Что ты вообще про любовь знаешь? Твоя любовь – это просто химия, которой тебя накачали.

– Да, химия! – с вызовом ответил спутник. – Все наши чувства химия, и что?

– Я бы выстрелил в луну, но я занят, глядя на звезды, – передразнил Ласло, припомнив одну из любимых цитат предателя. Попытался подняться, но набычившийся Дима толкнул его ладонью обратно в кресло. Не агрессивно, не пытаясь подавить, а лишь обозначая, что действительно “пробило на поговорить”.

– Знаешь, когда я тебя стал втихую ненавидеть? Когда в сотый раз увидел сидящим на берегу Балатона и тупо пялящимся на воду. Я вдруг понял: ты так и не стал человеком, на тебя все эти таблетки не действуют. Ты просто притворяешься, заучив правила. А твоя любовь к природе не от лекарств, не-ет! Это недовычищенный генетическим штормом атавизм. Ты не способен любить. Ты не способен прощать. Ты вообще хоть что-то чувствовать не способен! Все твои поступки не

от того, что на сердце мыши пляшут, а на душе кошки скребут, а потому что “так надо”!

Ласло усмехнулся – криво и немного презрительно. Тусклый свет, воровато проникающий в овальное окошко самолета, делал его кожу похожей на выцветший древний пергамент.

– А с этой стороны забора честнее, чем с той, – пробормотал он, рассматривая человека, которого еще недавно считал товарищем. – Какое чувство тебе мешало признаться в ненависти раньше?

Минуту или две они молча мерились взглядами, однако новой драки не случилось.

– Мои чувства настоящие, – наконец, сказал Ласло. Казалось он хотел убедить в этом сам себя. – Это действительно чувства, а не мимолетные страсти, которые тебя корежат. Твоя жизнь… – он замялся и досадливо сплюнул на пол. – Это благодаря твоим страстям мы здесь. Захотелось цепочку из чужого дома скрысить – ты и скрысил, захотелось подругу товарища трахнуть – трахнул, захотелось мордобоя – полез морду бить. Это твоя жизнь по чувствам? Ты говоришь о любви, но что ты о ней знаешь, кроме глупых припевов из глупых рэперских песенок? “Я помню дни, где тобой дорожил, где брал за руку и просто вел тебя за гаражи…”. Посмотри на стариков, проживших вместе лет по тридцать – вот она любовь. Они друг без друга не могут, потому и умирают часто один за другим. Любовь приходит к людям спустя годы, проведенные вместе. Страсть – мимолетна, она – химический коктейль, который действует на человека очень недолго, а потом растворяется в его организме. Выпил водки – захмелел, а на утро всё прошло.

– У меня не прошло.

– Ты просто алкоголик, хлещешь “водку” каждый день. Уймись, Дым, я спать хочу.

К облегчению Ласло, Дима-Дым действительно заткнулся и больше ни о чем не спрашивал.

глава 4

За окном древнего самолета яростно ревел ветер – он едва не вырвал из рук Ласло наспех сделанное самодельное копьё. С некоторым удивлением пассажир понял, что по-прежнему боится высоты, и это маленькое воспоминание о себе-человеке неожиданно придало сил. Как он ненавидел страх высоты раньше! Назло своим

чувствам Ласло перешел пешком все пятнадцать городских мостов через Дунай, его рукава и протоки – от Ференца Деака на юге до Медьери на севере; два из них – железнодорожные – преодолел ночью, обманув охрану. Но свои страхи так и не победил, просто заглушил на время. И сейчас его сердце сладко ныло, оттого что высота пугала и пугала с прежней силой.

Они летели уже полтора часа – за штурвалом насупленный и сердитый рыжеволосый, в пассажирском кресле по правому борту – Ласло, по левому – Дмитрий, где-то сзади до сих пор не проснувшаяся Настя. Местных обитателей Ласло увидел, когда лес внизу ненадолго сменился степью с выжженными проплешинами кострищ. На одной из них существа в звериных шкурах жгли огонь и жарили туши каких-то животных. Самолёт снизился, сделал круг над кострами, и пассажиры содрогнулись: на вертелах готовились не звериные туши, а человеческие тела.

– Сартр не соврал: “Ад – это другие люди”, – неожиданно заговорил Дым.

– Ты вряд ли читал Сартра.

– На хер мне его читать? В каком-то сериале услышал.

Снова потянулись поля и перелески, промелькнула внизу еще одна стоянка: задрав головы, небольшая группа аборигенов с копьями провожала взглядами самолёт. Вряд ли среди них были старики, заставшие прежнюю авиацию, разве что такие же расчеловеченные.

– Эй, химический! – голос летчика прозвучал глухо и встревоженно – Подойди.

– Что случилось?

– Левая шина сдулась.

– Шина?

– На шасси. В этой модели оно не убирается.

– Это опасно?

– Сам подумай: одно колесо накачано, другое сдуто – что будет при посадке? Перевернет нас к чертям собачьим. В общем, тут один выход: надо уравнять давление и проткнуть вторую шину. Не знал, что окна здесь открывается? Это древность, химический, иные механизмы над Отверженными землями не летают, электроника сбоит.

– Чем я тебе шину проткну? Зубами?

– Не остри. Примотай нож, которым ты мне угрожал, к пропеллерному кнуту – вон та палка с резиновым шлангом на конце – высунься в окно и бей посильнее!

Заставить француза везти всех троих, включая Настю, оказалось гораздо легче, чем опасался Ласло. Окончив наружный предполетный осмотр, летчик поднялся в салон, и тут же ему в шею уперся острый столовый нож, после чего пилот был аккуратно избавлен от кобуры с пистолетом.

– Что вы делаете? – хрипло спросил он.

– Мой спутник не хочет оставлять с тобой бабу, – пояснил Ласло, – а в остальном всё, как договаривались.

И он легонько подтолкнул пилота в спину. Тот сделал пару шагов, обернулся, смерив злобным взглядом своих пассажиров и, решив, что перевес явно на их стороне, попытался хотя бы поторговаться:

– Ты мне должен еще двадцать штук.

Кривая улыбка тронула лицо Ласло: ирония судьбы – даже теперь он все еще продолжал платить за Настю.

И вот теперь они летели над лесом, кнут болтало, нож скользил по шине, колесо каждый раз проворачивалось, и на скорости в двести километров в час ему никак не удавалось попасть достаточно сильно. Ветер торжествующе ревел, наблюдая за неуклюжими попытками, но, в конце концов, одна из них удалась. Увы, этого оказалось мало: нож пробил шину, но так не добрался до баллона. Ласло вернулся в кабину и несколько минут отдыхал, тяжело дыша.

– Выпей, – протянул ему флягу лётчик. Вместо паники и страха на лице француза появилась отчаянная улыбка – казалось, он радуется приключению.

Внутри оказалось креплёное вино, чересчур сладкое. Спустя пару глотков голова Ласло вновь была снаружи, но после первого же удара кнут переломился, и нож полетел к земле.

– До посадки всего-ничего, – крикнул ему лётчик, но его голос заглушил перепуганный женский визг из хвоста самолета. Очнувшаяся Настя не могла понять, где она находится. Ласло решительно потащил из кармана пистолет, снял с предохранителя, высунулся и выстрелил в колесо. Пуля прошла мимо, угодила в металлическую крестовину, отрекошетила и словно в отместку за эту нелепую попытку ударила в правый пропеллер. Раздался жуткий грохот, пропеллер разлетелся на

части, маленький самолетик сразу же повело вбок и начало мотать из стороны в сторону. Машину болтало так, что передвигаться по салону оказалось совершенно невозможным. Настю швырнуло обратно в хвост, Ласло – к двери: он ухватился пальцами за её металлические поручни и решил держаться за них до последнего. Самолет стремительно терял высоту, хотя француз героически сражался с ним и боковым ветром и всё ещё пытался посадить. Летчику почти удалось это, но как назло при касании земли колесо попало в колдобину, машину подбросило вверх, дверь от сильного удара распахнулась, и Ласло, не удержавшись, вылетел наружу.

Сознание вернулось рывком – совсем не так, как после пробуждения. Обычно между сном и явью существует зазор, шлюзовая камера для перехода от фантастических грёз к реальному миру. Это даёт время осознать себя и место, в котором находишься, а сейчас, открыв глаза, Ласло не понимал ничего: кто он и где он, и почему над ним нависает сломанная еловая ветка, от которой пахнет свежей смолистой хвоей? Спустя несколько вздохов тело обожгло болью – это с опозданием “включились” нервы. Ушибы, синяки, порезы, царапины, рассеченный острым сучком лоб – он вспомнил безумное падение и, жалобно постанывая, выбрался из-под дерева. На большой поляне среди леса, в сотне шагов от него, зарылся носом в землю покалеченный самолет. Возле машины как сомнамбула потерянно бродила Настя – вероятно в шоке, она даже не взглянула на бывшего любовника, когда он доковылял до места аварии и просунул голову в покореженную дверь. Летчик был мертв – он лежал в кабине со свернутой шеей, пробитой головой и открытыми глазами, в которых ещё плескался веселый ужас, только уже остывший и холодный словно замороженный посмертием. Дима сидел на полу возле своего кресла с неестественно вывернутой ногой.

– Хана мне, – выдавил он. – На волю не дойду, здесь – сдохну.

Видимо, это был предел – сознание Димы отключилось, даря блаженство забытья. Некоторое время Ласло так и стоял немой статуей в дверном проеме. Он еще не совсем пришел в себя, и никак не мог сосредоточиться – мысли путались, перескакивали с одного на другое, рвались слово некачественные нитки при попытке связать образы перед глазами в единое целое. Наконец, он выделил главное и, забравшись в чрево отлетавшего своё самолета, разломал какой-то

деревянный ящик, соорудил из дощечек шину, крепко обмотав неказистое сооружение скотчем. Затем высунулся из самолета и окликнул Настю:

– Помоги вытащить!

– Иди на хер, – хрипло отозвалась та. – Меня сушняк давит.

Ласло отыскал в салоне бутылку воды и швырнул ей под ноги.

– Полчаса назад мы пролетали над аборигенами – эти милые люди жарили людей на вертеле. Не хочешь помогать – вали к ним в гости.

Женщина подобрала бутылку и начала жадно пить, но с места не сдвинулась. Откинула со лба спутанные волосы и уставилась на Ласло огромными глазищами – совсем недавно они казались ему загадочными, а сейчас в них плавала пустота:

– Ты знаешь куда идти?

– Примерно, мы не долетели совсем немного. Я включил радиомаяк, теперь наш спутник нас отыщет.

– Так пошли, оставь этот кусок мяса, он теперь ни на что не годен.

– Заткнись и помогай.

– Ты, блять, Грут что ли? – взорвалась Настя. – У тебя мозги деревянные – заело на человечности? Ты как его потащишь? На себе?

Ласло вытащил пистолет и передернул затвор, досылая патрон в патронник:

– Или вали, или помогай, – рявкнул он.

Женщина сверкнула глазами, но подчинилась. Вдвоем они кое-как вытащили бессознательное тело из самолета и уложили на землю. Едва Ласло оказался рядом и повернулся спиной, у Насти тут же возникло искушение оглушить его и забрать пистолет. Но благоразумная мысль “а что делать дальше?” остановила ее. Верно, бывший любовник догадался о том, хмыкнул, не оборачиваясь, а затем подошел к дереву и принялся выламывать ветки для сооружения волокуши.

– Ты совсем дурной, – наблюдая за его действиями, зло произнесла женищна. – Тупой как хлебушек. Ты Диме ногу угробишь, пока дотащишь, нихт ферштейн? Донт андерстенд? Аз не разбирам?

– Заработает – биопластиковый протез поставит.

– Какая же всё-таки хрень эта твоя долбанная человечность… Ты мог нас на базе оставить, и всем было бы лучше.

Ласло ответил не сразу. Он неторопливо очистил ножом от мелких отростков ветки, после чего сложил две самых длинных и одну

покороче начальной буквой главного русского слова и скрепил скотчем и куском проволоки. И лишь потом спросил:

– Чем лучше?

Настя, думавшая о чем-то своем, непонимающе обернулась.

– Чем на базе лучше?

– Всем! У вахтовиков есть прикормленные отряды местных. За всякие штуки вроде ножей, они привозят мясо и ведут для базы разведку. Дима мог вполне в одном из таких отрядов прижиться – со здоровой ногой. А теперь он – не жилец, и меня здесь сожрут, и даже могилки не останется. Хотя мне и похрену, что там после смерти будет.

При этих словах Ласло выпрямился. Могила! Как же он мог забыть о погибшем летчике? Его нужно похоронить, но… Но ведь тогда не удастся уйти до вечера и придется здесь ночевать.

– Думаешь, ты нам помогаешь? – не унималась Настя. – Ты о себе заботишься, как обратно выбраться и снова подсесть на таблеточки. Боишься, если нас не вытащишь, то и сам останешься.

Ласло пропустил слова мимо ушей:

– Летчика похоронить надо. Будешь помогать яму копать.

– Что? Да пошел ты!

Мужчина зло оскалился и вдруг со всего маху заехал ей по лицу – от неожиданности Настя плюхнулась на задницу.

– Добро должно быть с кулаками? Да, блять? – казалось, она вот-вот разревется, но нет – только зубы оскалила в ответ.

– Встала и пошла копать – в самолете лопата есть. А я пока волокушу доделаю, затем труп вытащу да умою… Хорошо, хоть воды в бутылях литров сто.

Закончили хоронить они уже ночью, когда Луна выползла на небо. Дима ненадолго пришел в себя, выпил воды и снова отключился – то ли заснул, то ли потерял сознание. Измотанный и уставший, Ласло закрыл глаза и последнее, о чем подумал, были слова Хэнка Муди из “Блудливой Калифорнии”: “Ничего не бывает зря. Если вы что-то совершили, значит в данном поступке есть смысл”. Безумны и необъяснимы выверты человеческой памяти.

Проснулся Ласло от тычка. Надо ним стояла женщина, и дуло её ружья смотрело прямо ему в лицо. На женщине был камуфляжный костюм из пертекса и треккинговые ботинки – наряд явно не от местного племенного кутурье.

– Ты тот, о ком я думаю?

– Если тебе нужно из Отверженных земель на выход – тот.

Взгляд у незнакомки был цепким, оценивающим, но… каким-то правильным что ли – Ласло не ощущал в нём угрозы. Услышав голоса, невдалеке завозилась Настя, села рывком и уставилась на нежданную гостью.

– Надо валить отсюда, – заявила та. – Вам повезло, что из местных никого близко не было. Но они уже идут сюда – будьте уверены. Держите по энергетическому батончику, больше жратвы нет. Где точка выхода?

Ласло прожевал крошечный батончик и лишь потом ответил:

– Дьяволова нога – знаешь скалу с таким названием? Завтра в десять утра у её подножия откроют портал прямо на палубу автоматического сейнера. Для прохода нужны два пароля – сначала идет твой, затем мой.

– Тогда пошли, не будем медлить.

– У нас раненый, пойду только с ним.

Поднявшись на ноги, он подвел гостью к Диме. Тот лежал с открытыми глазами и совершенно бессмысленным взглядом смотрел в небо – он был в сознании, но одновременно где-то далеко отсюда.

Незнакомка обошла вокруг самодельных носилок, присела, потрогала ладонью лоб и внимательно осмотрела “шину”.

– Из говна и палок, – пробормотала она.

Странно было видеть её здесь, на закрытой территории, одну, и при том абсолютно спокойную и уверенную в себе. Движения гостьи были скупыми, как у хорошо тренированного человека, и при этом по-кошачьи мягкими, словно у таёжного охотника. Закончив осмотр, она подняла взгляд и с какой-то странной интонацией заметила:

– С лишней ношей шансы успеть невелики.

– Не успеем – значит, не судьба, – в голове Ласло была точная схема действий и отступать от нее он не собирался.

– Это любопытно, – совершенно невпопад произнесла гостья. Расстегнув куртку, она аккуратно достала из кармана небольшую металлическую коробочку, внутри которой оказался продолговатый прибор с разноцветными метками и поршнем для шприца. Затем распечатала одноразовую иглу и вставила в прибор.

– Что это? – насторожился Ласло.

– Дорожный анализатор. Не бойся, я только возьму у тебя кровь на анализ.

– Ты вообще кто? Как сюда попала?

– Независимый исследователь. Некоторые люди считают, что правительства врут про ситуацию в Отверженных землях, вот мы и пробираемся сюда тайком, чтобы оценить всё собственными глазами.

– И что? Врут?

– Есть версия, что во втором-третьем поколении способность к воспроизводству химии чувств возвращается – эгоистичный ген начинает собирать человека заново. Но социальная среда при этом остается прежней – и дети, выросшие в Отверженных землях, просто не знают иной жизни, кроме звериной. Возможно, через тысячу лет они повторят путь первобытных цивилизаций, но зачем ждать? Если мы можем ускорить этот процесс – бездействовать преступно.

Ласло молча протянул ей руку. Укол вышел болезненным, кровь потекла в анализатор – по паре капель в каждый из “кармашков”. Когда процедура была закончена, женщина подсоединила к прибору небольшой экранчик с виртуальной клавиатурой.

– Электроника? – изумился Ласло. – Здесь?

Женщина отрицательно покачала головой, не отрывая взгляда от экранчика.

– Как же тогда это работает?

– Фотоника. Первое поколение и пока еще опытные разработки. Вместо электронов информацию переносят частицы света, а они не подвержены внешним электромагнитным полям. Поэтому и заглушить их у спутников не выходит. К сожалению, средства связи на этом принципе пока ещё только разрабатываются, иначе бы я выбралась отсюда без вашей помощи. Удивительно!

– Да, прогресс поражает.

– Я не о фотонике, а о твоей крови! Тебе знакомо понятие “индекс человечности”? Это некий усредненный процент по основному ряду биохимических процессов, вырабатывающих вещества, необходимые для того, чтобы человек испытывал чувства. Большая четверка, разбитая на пары: любовь/ненависть и сострадание/равнодушие.

– Любому химическому человеку это знакомо.

– Да, точно! Не подумала. В общем, мы давно проводим в Отверженных землях такие исследования и накопили довольно много

статистических данных. Так вот, у здешних обитателей он обычно равен нулю, хотя попадаются люди и целые общины, в которых показатель колеблется в пределах 0,5 - 0,8 процента. У тебя же почти три!

– Трехпроцентный человек, – зло пробурчала за их спинами Настя. – Долго вы еще болтать будете? Идти надо.

Женщина разобрала свой прибор и с особой бережливостью убрала его обратно в карман.

– Волокуша для твоего друга не годится, – сказала она. – Ты довезешь труп. Надо сделать носилки.

И неожиданно протянула руку:

– Джоланка. Друзья в шутку называют “Солдат Джо”.

– Ласло.

– Как?

– Вообще-то Владислав, но я несколько лет провел на Балатоне, там моё имя переиначили по-своему.

Караван облаков, торопливо тянущихся на запад, закрыл солнце. Следовало спешить, и они споро принялись за работу, сооружая носилки. В рюкзаке у Джоланки нашелся походный набор инструментов на все случаи жизни – стоил он баснословные деньги, так как работал на микроскопических ториевых аккумуляторах. Зато пила, похожая на удлиненную женскую пилочку для ногтей, за минуту расправилась с толстой еловой веткой, а за следующие пять минут прошлась вдоль неё и превратила ветку в брусок – пусть и довольно кривоватый.

– Что будешь делать с товарищами, когда вывезешь отсюда?

– Пусть идут, куда хотят.

– А сам?

– Сделаю документы и уеду куда-нибудь в глушь.

– Не хочешь поработать на нас? Мне кажется, ты бы стал отличным полевым агентом в Отверженных землях.

Рука Ласло дрогнула, и он чуть не отрезал себе палец.

– Предлагаешь вернуться туда, откуда я бегу?

– Вернуться человеком – это ведь другое. И легализуем мы тебя наверняка лучше, чем ты сам сможешь.

Их прервали возня и хрипы возле волокуши.. Что-то нехорошее сжало сердце Ласло, какое-то болезненное ощущение неотвратимости

беды и собственного бессилия, когда понимаешь – изменить уже ничего нельзя. Он бросился к Диме – тот был мертв: Настя задушила его канатной чалкой, найденной вчера среди прочего барахла в самолете. Она стояла рядом и жадно пила воду из бутыли. Ласло опустил взгляд на её руки – они не дрожали.

– Надо же кому-то быть мужиком, – ровно произнесла Настя, оторвавшись от бутыли.

Неожиданно лицо её перекосилось, а вслед затем от леса раздались громкие дикие вопли: аборигены все же отыскали упавший самолет.

глава 5

Налетевший абориген был на голову ниже Ласло – волосы дикаря торчали клочками в разные стороны, густая щетина покрывала лицо, а глаза как будто выкатились из под бровей двумя покрасневшими, налитыми кровью и злобой, шарами. Из глотки троглодита рвался наружу звериный рык, разбавленный матом. Сколько лет этому сгустку ненависти, на вид не определил бы никто, словно время в Отверженных землях текло по-другому, а может, так оно и было: не в физическом, а в метафорическом смысле. Силы у дикаря оказалось немерено: рука, сжимавшая дубину, пошла назад, чтобы описать круг и обрушить оружие на голову замершей добычи. Казалось, его развернуло на бегу боком к Ласло, но это впечатление было обманчиво, “жертва” оказалась готова к нападению. Ласло шагнул вперед, поднырнул предплечьем под атакующую руку, с трудом удержал врага, по инерции все еще летящего вперед, а в следующую секунду заплел своей левой рукой вражеский локоть, а правой ухватился за плечо. Следующим движением он со всей силы ударил врага коленом в пах, а лбом в переносицу.

Раздался громкий хлопок, а за ним поросячий визг – Джоланка выстрелила и попала. Тут же позади закричала Настя, но помочь ей Ласло не мог: опрокинув соперника, он попытался добить врага, но сам был сбит на землю. Откуда-то сбоку налетела лохматая баба, попыталась вскочить ему на загривок и впиться зубами в шею. Ласло крутанулся, сбрасывая ее, но не удержался и упал. Запоздало он вспомнил о пистолете, изъятом у погибшего француза, но достать оружие не успел – дикарка первой оказалась на ногах. В стороне раздался второй выстрел – “солдат Джо” продолжала воевать и тем

самым спасла ему жизнь. Нападавшая испуганно вздрогнула и замешкалась, Ласло успел поджать ноги к голове и кувырком оказаться перед ней на коленях. Голова его ударила во впалый живот, а руки подхватили бабу под колени и опрокинули спиной на землю, тем самым помешав её очухавшемуся товарищу атаковать. Не пытаясь подняться, Ласло потащил из кармана оружие, чиркнул пальцем по предохранителю, дослал патрон в патронник и выстрелил. Не попасть было просто невозможно: дикарь заорал, заваливаясь на бок, а его подруга неожиданно бросилась назад в лес. В стороне дважды выстрелила Джоланка, заканчивая бой – нападавших больше не осталось. Ласло обернулся к Насте: та сидела, привалившись спиной к обломку самолета и отирала со лба пыль, грязь и пот. Добравшись до канистры с водой, Ласло умылся и хорошо промыл порез на боку. Он оказался неглубоким, но довольно болезненным, и подошедшая Джоланка заклеила его длинным бактерицидным пластырем. Покончив с раной, они обернулись к Насте.

– Нога, – прохрипела она.

Джоланка опустилась рядом с ней на колени, потрогала ступню так и эдак и с задумчивым видом выдала вердикт:

– Вывих стопы, без перелома. Сейчас вправлю, но нормально ходить ты сегодня не сможешь – будет очень больно наступать. С такой скоростью ты теперь помеха.

Ласло обернулся и отыскал глазами безжизненное тело Димы.

– Мгновенная карма, а? – не удержался он.

Настя всхлипнула. Умоляюще посмотрела на Джоланку, но не нашла в лице женщины сочувствия и перевела взгляд на бывшего любовника:

– Ты же меня не бросишь? Я же баба, я одна не выживу.

А затем торопливым движением оголила грудь. Это выглядело жалко – и место, и время, и сама Настя в разорванной и грязной одежде, со спутанными волосами, синяками и ссадинами.

– Прикройся, – равнодушно произнёс Ласло.

– Не бросайте меня…

– Ногу я тебе вправлю, – повторила Джоланка, – а тащить тебя с собой или оставить здесь – решать ему. По-человечески, наверное, надо бросить: око за око и всё такое. Как думаешь, Ласло?

– Я думаю, Диму нужно похоронить.

– А с ней как? Времени всё меньше.

Мужчина вздохнул и задрал голову к небу: в голубом океане над темно-зеленым лесом величественно кружили белые аисты, их было больше десятка. Но как он ни старался, так и не смог ощутить красоты природы – как тогда на Балатоне и неисчислимое количество раз после.

– Правильно и справедливо – разные вещи, – казалось, он сам удивляется собственным словам. – Справедливо оставить убийцу и уйти, но это неправильно. Вправь ей ступню, а я похороню Диму – в одной могиле с летчиком. Там земля перекопана, справлюсь быстро.

Остаток дня и следующая ночь запомнились им чудовищным напряжением сил. Они шли, почти не подстраиваясь под Настю, но та ни разу не пожаловалась на усталость. Время от времени путники останавливались и отдыхали, и Настя, опираясь на самодельный костыль, выломанный по дороге, вставала раньше и уходила вперед – лес вскоре закончился, и в степи было хорошо видно, в каком направлении двигаться. Где она черпала волю жизни, из каких глубин – Ласло не понимал. У женщины не могло быть столько сил, но она с ожесточенным упорством ковыляла к точке выхода из проклятых земель. В полночь они устроились на ночлег – решили спать целых пять часов: в лимонном свете Луны уже виднелся вдалеке силуэт Дьяволовой ноги. Основание скалы составляло гигантское каменное копыто – раздвоенное подобно копытам чертей.

– Солдата из фильма звали Джейн, – вдруг припомнил Ласло, закрывая глаза.

Джоланка не ответила – она уже спала.

Они добрались до скалы за сорок минут до пробоя. Первой пришла Настя – она встала на два часа раньше, и когда Ласло ещё только продирал глаза, её перекошенная фигурка уже маячила в нескольких километрах впереди. Когда он догнал бывшую подругу, на женщину страшно было смотреть: глаза потухли, щеки впали, черты лица обострились, в кожу намертво въелась дорожная пыль, а ступня безобразно опухла и с трудом влезала даже в распоротый мужской ботинок, снятый с Димы. И всё же Настя дошла – вопреки всему. Они упали у подножия скалы и некоторое время лежали, раскинув руки, словно морские звезды. Совсем рядом на каменистый берег накатывал волны океан. Он казался бесконечным, древним и безжалостным, как

безжалостна всякая слепая природная сила – по его дну бродили глубоководные существа без глаз, ловили друг друга и тут же съедали. Очень давно часть подобных существ выползла на сушу и потратила сотни миллионов лет на то, чтобы стать людьми. Но друг друга есть не перестала, просто придумала для этого особые ритуалы вроде войн, казней и убийств.

Портал открылся ровно в десять часов: воздух у скалы прошили разноцветные нити, сложившиеся в странный узор с красноватыми глобулами и золотыми спиралями. Узор слегка подрагивал, подобно тому как подрагивает мембрана при звуковых колебаниях. Через пару минут раздался громкий щелчок, и в центре мембраны появилось инородное тело приёмо-передатчика.

– Назовите пароль, – донёсся из мембраны безжизненный механический голос. – У вас двадцать секунд.

– Embernek lenni, – четко произнесла Джоланка.

– Embernek lenni, – повторил Ласло.

Их пароли совпали – это было невероятно! Придуманные в разные дни, в разных точках планеты, разными людьми… Если бы нейросеть, генерирующая проход через червоточину, могла удивляться – она бы ещё долго изумленно трясла слоями своих нейронов, подобно тому, как человек в изумлении трясет головой. Паутинка дрогнула, цвета её потускнели, и перед путниками открылся проход – со стороны это выглядело так, словно невидимый снаружи хищный зверь неожиданно распахнул беззубую пасть. В отличие от длинного тёмного коридора, по которому осужденные попали в Отверженные земли, этот переход оказался прямым: с каменистого берега они шагнули прямо на палубу рыбацкого сейнера, а за их спинами с громким чмоканьем схлопнулась червоточина.

На море, где не мешают ни леса, ни горы, ветер разговаривает совсем иначе – грозно, напористо. Если разговорится – заткнёт рот всякому, и человек не то что ответить – вздохнуть не сможет. Но сегодня ветер был тих и печален, он рассказывал океану истории о людях, а тот слушал, лениво шевеля волнами. Спустя час, плотно позавтракав обнаруженными на сейнере консервами – рыбными, есть же шутники на свете! – Ласло стоял на палубе с кружкой горячего кофе, вглядываясь в бесконечную водную гладь. Кружку он нашёл

подвешенной к потолку – места на сейнерах настолько мало, что моряки используют каждый свободный дюйм.

– Как тебе на свободе? – подойдя, спросила Джоланка, она тоже отыскала кружку на потолке и даже успела переодеться. Отправляя за ней этот маленький кораблик, друзья заботились о своем “солдате Джо”.

– В голове больше нет плана – это немного пугает. С другой стороны – нет и боязни неудачи, а это успокаивает. Вот такой парадокс. Как ты считаешь, я зря тащил за собой других?

– Наверное, я тебя удивлю, – Джоланка шумно отхлебнула из кружки. – Но отвечу, как думаю: зря. Настя прекрасно устроилась бы у вахтовиков, да и твой друг был бы жив.

– Разве ты не тем же занимаешься? Не пытаешься спасти людей из Отверженных земель?

– Мы не спасаем по одиночке, мы хотим спасти всех. Да, я обязательно помогу отдельному человеку, но только если он сам этого хочет.

Вокруг, насколько хватало взгляда, простирался океан. “Мысленно он всегда звал море la mar, – вспомнилось Ласло, – как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нём дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе называют море el mar, то есть в мужском роде. Они говорят о нём как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге”.

– О чём думаешь?

– Обо всём сразу. Embernek lenni, помнишь? “Быть человеком”. Что это значит?

Джоланка пожала плечами:

– Простые вещи не поддаются определению – это ещё кто-то из древних греков сказал. Что будешь делать на берегу? Куда отправишься?

– Буду сидеть на берегу бухты, пить дорогой хороший кофе, а не эту растворимую дрянь, и смотреть на волны – вот как сейчас. Больше мне ничего не нужно.

Они опять замолчали.

– Нет, всё-таки нужно, – решил Ласло. – Есть у меня одна просьба к тебе.

– Если выполнить будет реально – я выполню.

– Позаботься о Насте – ей станет очень плохо после того, как она осознает себя человеком. Отправь в какой-нибудь реабилитационный центр, есть же у вас такие?

Джоланка кивнула и вылила содержимое кружки в море.

Плохой кофе ей тоже не нравился.